

# ТРИ СЕКРЕТА

лись до конца, остерегались быть откровенными, боясь жизни. В пьесе Сельвинского

## АКТЕРА БРАНДТА

Маленький человечек, похожий на крота, не резкий и не злой, редко позволяющий себе быть умным, — только иногда блеснет пронзительный взгляд из-под нависших бровей, и с изумлением подумаешь о том, что у этого человека своя позиция в жизни, своя философия, свой расчет. Бартолус отнюдь не равнодушен к удовольствиям жизни, но тщательно скрывает это — и в этом его самозащита. Прячет Бартолус свою жену — жемчужину, прячет деньги, прячет свою любовь к жизни.

А вот аптекарь из Сант-Яго — ходит так, словно хотел бы казаться возможно меньше ростом. В нем тоже мягкость, но за ней нет внутренней боли от сознания собственного поражения, как у Бартолуса. Кажется, мягкость растворил в нем все остальные чувства, положенные человеку, и г-н аптекарь отказался от участия в жизни, предоставив все решать своей супруге. И, наконец, профессор Киевской консерватории — интеллигент, человек искусства, далекий от жизни, современный вариант «человека в футляре».

Если вы регулярно посещаете единственный в городе Владимире драматический театр имени Луначарского, вам знакомы эти люди. Живут они в разных спектаклях — «Испанском священнике» Флетчера, «День рождения Терезы» Мдивани и «Тиха украинская ночь» Купченко. Их отделяют друг от друга сотни километров или столетия. Но объединяет эти персонажи то, что играет их Александр Владимирович Брандт.

Маленький смешной человечек Бартолус... Эту роль можно сыграть так, чтобы Бартолус выглядел сухарем и тираном. Но тогда исчезнет то, что составляет аромат театрального искусства: человеческая сложность образа, то, что Станиславский формулировал

как жизнь человеческого духа на сцене. Поэтому он и смешной и горький, жалкий, но с глубоко спрятанным чувством собственного достоинства. Бартолус — человек. И мы, зрители, понимаем и принимаем это.

А в последней работе — роли В. И. Ленина в спектакле «Человек выше своей судьбы» — Александру Владимировичу нужно было совсем по-другому строить контакт со зрительным залом. Пьеса Сельвинского философична. Человек и смерть, человек и результат его жизни — эта тема издавна волнует искусство. А если человек этот — Ленин, тогда произведение искусства становится утверждением духовной красоты человека, его власти над жизнью.

Брандту впервые пришлось работать над образом Ленина. Актер еще раз утвердил свои профессиональные качества, отлично усвоив внешний рисунок роли. — а ведь в облике Ленина, знакомом зрителям до мельчайших подробностей, это немалая трудность.

Внутренний рисунок роли потребовал от актера иного подхода к воплощению образа, чем в предыдущих работах. Персонажи Брандта, которых мы видели на сцене Владимирского театра до этого, как правило, не раскрыва-

потребовался открытый темперамент, полная отдача; ведь Ленин весь в окружающих его людях, в кипящей вокруг него жизни, которой сейчас он дорожит больше, чем когда-либо прежде. И здесь открылась еще одна черта актерской палитры Брандта — лиризм и наряду с четкой эмоциональной реакцией — тонкое чувство меры. Чувство меры... Это качество не слишком часто встречается на периферийной сцене. А между тем это самая основа жизни образа. Это вопрос о том, говорит ли актер языком штампов, дурной театральной условности или языком подлинного искусства, сложно сочетающего условность, как природу искусства, с требованиями и особенностями современной жизни.

Ну, а третий секрет? Он, наверное, самый главный. Это вечный секрет театра. Это результат сложной работы актерского подсобания. Это то, что отличает актера от других смертных. То, что было, очевидно, у Александра Владимировича уже в первой сценической работе — роли гусара Бим-Бома в школьном спектакле «Кукольный переполох», впрочем об этом не сохранилось квалифицированных театроведческих свидетельств.

В. КУДИНА.

★